
Подтаявший снег провалился в теплицу,
Вконец отлежав за полгода бока...
Уверен – ему там неплохо лежится –
Вороны не топчут и нет сквозняка.

А мне почему-то сегодня не спится,
Сиж у окна и гляжу в темноту...
Лежит на боку в огороде теплица,
Неловко коленки прижав к животу.

Фонарь на столбе, как замёрзшая птица –
Дрожит на ветру и не может взлететь...
Лежит на боку в огороде теплица
И даже не хочет чего-то хотеть.

И надо же было такому случиться!
Увидит разор, закручинится мать...
Лежит на боку в огороде теплица,
Ей снится, что кто-то идёт поднимать...

Ночь ещё пахнет снегом...
Выпьем же за весну
С Муркиным наглым побегом
Из форточки – на сосну!

И по второй – за морзянку
Улиц, танцующих крыш!
Это – душа наизнанку! –
Разве за ней углядишь!

Это – сердцебиенье,
Артериальная кровь!
Это – неповторенье,
Это – не в глаз, а в бровь,

Выгнутую рассветом –
Ну, вон у той, с зонтом...
Кабы я был поэтом,
Я бы за ней – хвостом...

Март – не словесный рынок
И не сезонный грим.
Где мой второй ботинок?!
После договорим...

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман, не спеша.
Ещё две недели – и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Ещё две недели – и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,
И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

И ветер с Невы, как глоток Vana Tallina,
Гортань обожжёт... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

Сугробы оплыли, как сальные свечи.
Собака уже не грустит в конуре,
А грязные лапы мне ставит на плечи...
Вот дура! Поляк бы взорвался: Пся крев!

Да что с неё взять, если талые воды
Под окнами бродят, как в бочке вино,
И в лужах цветут нефтяные разводы,
И вынес сосед первый раз домино.

И вдрызг разругались соперницы-кошки,
Изрядно помяв меховые манто...
Вот глупые твари! Свернуть бы им бошки!
Семь лет обещаю, а им хоть бы что!

Ударились в бегство... Свалили фиалку...
Горшок на куски! На паркете земля!
И мне до того вдруг себя стало жалко,
Поскольку услышу: «Не надо ля-ля...»

Собрать черепки – это плёвое дело,
И пол подмести не составит труда.
Всю зиму фиалка цвести не хотела...
А тут расцвела – отошли холода...

Я новый горшок принесу из подвала
И, чтоб на упрёки не отвечать,
Жену обниму как ни в чём не бывало...
Фиалка не выдаст... И кошки смолчат...

МАРИНЕ

1.

Скрипит под ногами ледок.
Чирикает воробьишка.
Меняет и наш городок
На плащик худое пальтишко.
Любимая, вот и весна!
Снега уползают в овраги...
Вот брякну в сердцах: «Не до сна!»
И двину из греков в варяги,
Минуя весёлый Париж,
В котором полно чернокожих,
Где снежные хищники с крыш
Не падают на прохожих,
Где каждый пугливый сугроб
Сметанен и даже – заморожен,
И всякий любовный микроб
Опознан и уничтожен,
И веник у них не цветёт,
А наш, посмотри – расцветает...
Любимая, я – идиот –
Европа стихи не читает!

Не смейся, родная, прошу!
И пусть непростительно трушу,
Я лучше тебя напишу –
Слушай...

2.

Растолкал облака ветерок.
В небе солнышко – мордочка лисья.
Прилетели ко мне на порог
Опалённые инеем листья.

Сгрёб граблями – чего их беречь –
Отгуляла пора листопада!
Я хотел эти листья поджечь,
А жена мне сказала: «Не надо...»

Лист озябший согрела в горсти
И поправила чёлку рукою,
И в глазах отразилось такое,
До чего мне вовек не дойти...

* * *

Художник поставит мольберт
И краски разложит и кисти,
А я — двадцать пять сигарет —
И с ветки сорвавшийся листик.
Мы будем сидеть vis-a-vis,
Пока не опустится темень.
И ради надмирной любви
Пространство раздвинем и время.
Мы будем глядеть в никуда
И думать о чём-то неважном:
Сквозь нас проплывут господа
В пролётках и экипажах —
Улыбки сиятельных дам,
Смешки, шепотки одобренья,
Последним проедет жандарм,
Обдав нас потоком презренья.
А ночью в дрянном кабаке,
Где слухи роятся, как мухи,
Он — в красках, я — в рваной строке —
Хлебнём модернистской сивухи,

Забудем, что есть тормоза,
Сдавая на зрелость экзамен,
И многое сможем сказать
Незрячими злыми глазами.
И к нам из забытых времён,
Из морока рвани и пьяни
Подсядут: художник Вийон
И первый поэт Модильяни...

* * *

Ноябрь совсем одекабрел —
В Неву вморозил сухогрузы.
Сменив колготки на рейтузы,
По набережным бродят музы
С щеками белыми, как мел.

Дрожат бетонные быки,
Скрипят мосты под гнётом снега.
Позёмка в поисках ночлега
Берет преграды без разбега
И обживает чердаки.

И некого задеть плечом,
И провода звенят на Невском.
А вдалеке за перелеском
Морозец — с щёлканьем и треском! —
Звезду целует горячо.

Визжит сквозняк, прижатый дверью —
Бомжей выводят из метро —
На лицах тает серебро,
Добро рифмуется с зеро...
И крикнуть хочется: «Не верю!»

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыханья,
Легче трепета ресниц —
Скорой смерти ожиданье
Сходит с блоковских страниц...
А вокруг все лица, лица
С волосами до земли,
Журавлиные синицы

И синичьи журавли,
На золотом крыльце сидели —
(Здесь зачеркнуто...) Гляди
На бушлаты и шинели!
Хлеба дайте! Проходи!
Робы, блузы, платья, спины,
Маски, кепки, колпаки,
Свечи, фонари, лучины,
Проститутки, кабаки...
Кто поёт, кто матерится —
Власть издохла! Вот те на!
Тут — шампанское искрится,
Там — штыки и стремяна...
Карнавал! Гуляй, людишки!
День последний! Судный день!
Ничего теперь не слишком!
Никому сейчас не лень!
Отойти! Остановиться!
Руки разбросать! Не троны!
Вера — счастье несчастливцев —
Всех в огонь!

Опустилась на кончик пера
Паутинка прошедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Только свет и полёт мотылька...
Ни истерик тебе, ни мистерий!
Я – смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

Хандрит отрывной календарь.
На стёклах раскосые знаки.
По улице ходит ноябрь
С глазами бездомной собаки:
То снежной крупой огорчит,
То хлюпнет в трубе водосточной,
То в вечность стихи отстучит

Размашистой дятловой строчкой
О том, что рябину давно
Склевали залётные птицы,
Что воздух пьянит, как вино,
И нужно уже торопиться
Цыплят на досуге считать,
Счета получая в конверте,
Заваривать чай и молчать,
И верить, что звёзды ответят.

Событий у нас маловато.
Зима вот случилась вчера...
Соседи достали лопаты,
И выгнали снег со двора.
А мой – развесёленький, вкусный! –
Лежит себе, радует глаз.
Хрустит на зубах, как капуста.
Впервые, сегодня, сейчас!
Соседи, родные, Бог в помощь!
(Какой восхитительный слог!)
Я первый свой снег – несмышлёныш –
Слизал с материнских сапог.
Уколы запомнил, микстуры –
И прочая там беготня...
А сёстры – ну полные дуры!
Ещё и лечили меня:
Изрезали тюль на халаты,
Нарыли в шкафу рыбий жир...
У-у-у! Как же я жаждал расплаты!
Поэтому, видимо, жив.
Событий у нас маловато...
Вздыхаю и тихо скорблю...
Соседи – опять за лопаты!
И я их за это люблю!

Бессмысленно бывшее ворошить –
Пока я к лучшей участи стремился,
Двадцатый век оттяпал полдуши
И треть страны, в которой я родился.

И я тому, признаюсь, очень рад –
Похерив все небесные глаголы,
Кремлядь не прикрывает куцый зад,
И близятся костры Савонаролы.

Приветствую тебя, Средневековье!
Мне обжигает лоб печать твоя!
Я жгу стихи, мешаю пепел с кровью
И смазываю петли бытия.

О, как они скрипят! Послушай, ты,
Бегущий мимо к призрачному раю!
Я для тебя – в лохмотьях красоты –
На дудочке поэзии играю.

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Его пра-пра-пра- пра... мурлыкал фараонам,
Он по-кошачьи мудр, он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь – зачем течёт река?

День-день, день-день, день-день – проснулся сторожок!
(Должно быть, крупный лещ польстился на наживку...)
Удилище – в дугу! Он сам себя подсёк!
Я вывожу его... как краля, на тропинку.

И вот он – золотой! Наверно, в два кило!
Танцует на песке последний в жизни танец...
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на её щеках – предутренний румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
И лещ – пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
Иди – мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер тёплый – сладок.

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки – тиха и темна –
Лучше времени нет перепрятывать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот
И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьёт
И из сердца (меня!) пятернёй на паркет выжимает...

Ты жил в тепле с красивою женой.
Я выживал наперекор судьбе.
Ты много лет смеялся надо мной.
А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
Я научился терпеливо ждать.
Ты бросил дом, когда пришли враги.
А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь земной.
Я всё тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь надо мной –
Я тень твоя, а солнце высоко...

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, чтоб не нарушить наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестерёнки,
Скрипят стихи – поэзия мертва.
Мы днём и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

Прилетел ветерок, и проснулась волна на лимане –
Вроде, так, пусячок, ведь бывало такое не раз...
Но стоит Крымский мост и морзянит огнями в тумане,
И на этом вполне можно было закончить рассказ.

Но мерцает строка, за стальные цепляется сваи,
Перебранкой машин подтверждая рождение своё.
Теплоходик надсадно кричит и как будто взлетает,
И солёную воду винтами железными бьёт.

Разгорается день – на вчерашний совсем не похожий,
Приближая друг к другу влюблённые в жизнь берега.
И представить нельзя – можно только почувствовать кожей,
Что уже невозможно чужим поклоняться богам.

Так ликуй, человече! Ты смог, ты дерзнул, ты – достоин!
Говори в полный голос и полною грудью дыши!
Если инок – молись! Матерей защити – если воин!
Но дострой свою песню – иному сего не свершить!

СТАРЫЙ КРЫМ

Синее, синее, синее –
Из невозможных глубин...
Береговая линия,
И Александр Грин.
Что-то ещё... По осени
Солнце не жжёт, как оса.
У разбитной Феодосии
Рыжий каштан в волосах.
Вечер. Погодка купальная –
Пристань, кефаль, невода...
Не акварелька астральная –
А с огоньками вода.
Что-то ещё... Ранемое...
(Слышишь, как сердце стучит!?)
Грустное... Неповторимое...
И наизусть заучить!

Петь не умеешь — вой.
Выть не умеешь — молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо!

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Остывают страны, народы
И красивые города.
Я плыву и гляжу на воду,
Потому что она — вода.

А она и саднит, и тянет,
Словно соки земные луна...
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

* * *

Ветер замёл под ковёр облетевшей листвы
Милые глупости и разговоры о лете.
Перелиставший Сервантеса северный ветер
Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы
Или другой кто-нибудь на весёлой планете
Вместе со мной расплескал по страницам печаль.
Впрочем, о чём я? Никто за меня не в ответе —
Сею стихи — вырастает дамасская сталь.

Некто однажды сказал мне: «Иди, дождь с тобою...»
(Был он, признаюсь, смешон и довольно нелеп.)
После писал мне невнятное что-то из Трои
И, наконец, замолчал, потому что ослеп.
Чёртово время! Бегу, как собака по следу,
За показавшими гонор и прыть в человеческих бегах.
Если сегодня же ночью я Троию спасти не уеду,
То на рассвете в «испанских» проснусь сапогах!

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает – ДУХ животворит.

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.